

Система работает: памяти Иммануила Валлерстайна (28.09.1930 – 31.08.2019)

Об идеях создателя «мир-системного анализа» социолога Иммануила Валлерстайна

Иммануил Валлерстайн

© Вячеслав Юрасов/ТАСС (<https://news.ru/science/umer-neomarksist-immanuil-vallerstajn/>)

В Нью-Йорке **скончался** Иммануил Валлерстайн, один из крупнейших социологов XX века, пионер мир-системного анализа и идеолог антиглобализма. Валлерстайн не боялся казаться «еретиком»: сомневался в существовании Индии, поддерживал политических маргиналов и находил много общего между историей и законами термодинамики. Подробнее о его главных идеях и об их значении рассказывает историк Артём Ефимов.

1

Существует ли Индия? Казалось бы, абсурдный вопрос. Но Иммануил Валлерстайн в 1986 году не постеснялся задать его с трибуны Всемирного социологического конгресса, который проходил не где-нибудь, а в Дели. И [продемонстрировал](#), что вопрос вовсе не такой абсурдный.

Что было бы, если бы Франция не проиграла в Семилетней войне 1756–1763 годов? Например, русская императрица Елизавета Петровна прожила бы на год дольше, Россия (союзница Франции) не вышла бы из войны и совершила бы разгром Пруссии — тогда Великобритании (союзнице Пруссии) не удалось бы навязать Франции мир на своих условиях. Как минимум, Франции не пришлось бы отказываться от своих притязаний в южной Индии.

Индийский субконтинент всегда состоял из множества государств и народов. Только британцы объединили его политически — и создали современную Индию. А если бы исход Семилетней войны был другим, этого бы не произошло. Была бы Британская Индия на севере и Французская Дравидия (по преобладающей там дравидийской языковой семье) на юге.

В XX веке обе освободились бы от колониальной зависимости и зажили бы каждая своей жизнью. В Индии был бы английский язык, парламентаризм и кровавые распри между мусульманами и язычниками — прямо как сейчас. А в Дравидии — французский язык, политическая централизация и католичество. И дравидийский Ганди учился бы не в Университетском колледже Лондона, а в Сорбонне. И никому бы в голову не пришло, что, например, Бангалор — это исконная индийская земля.

Главный урок тут даже не в роли случайности в истории («...оттого, что в кузнице [не было гвоздя](#)»), а в том, что ничто — ни границы, ни государственное устройство, ни язык, ни идентичность — не вечно и не предрешиено. Все имеет свое начало и свой конец, все подвижно и изменчиво. И тот факт, что Индия существует сейчас, вовсе не означает, что она существовала всегда, что она была обречена появиться или что ей суждено существовать дальше. Как в XVIII веке, так и сейчас ее существование — это выбор, причем совсем не обязательно сделанный самими индийцами.

2

Смерть Иммануила Валлерстайна, наступившая 31 августа 2019 года, осталась почти незамеченной мировой прессой. Даже Йельский университет, где он работал с 2000 года, не поспешил сообщить о ней на своем сайте. Вполне вероятно, многие скажут: «Ой, а он был жив?» Что, до известной степени, извинительно: через месяц ему исполнилось бы 89 лет. И все же надо признать: Валлерстайн пережил свою славу.

Он гремел в 1970-е и 1980-е как теоретик «антисистемного движения» (его собственный термин). Система с заглавной буквы — это глобальный капитализм, и Валлерстайн не уставал возвещать, что ему приходит конец. Он не без симпатии следил за всеми, кто декларировал свою враждебность Системе: за хиппи 1960-х и за антиглобалистами 2000-х, за братьями Кастро на Кубе и за субкоманданте Маркосом в Мексике, а в самое недавнее время — и за (запрещенным в России) «Исламским государством», старательно обходя

молчанием его зверства. Многие роднило его с другими «политическими еретиками» от академического мира, такими как Пьер Бурдьё, Ноам Хомски и Мишель Фуко.

После краха социалистического лагеря в конце 1980-х многие решили, что Валлерстайн со своими пророчествами — просто фриковатый левак. Фрэнсис Фукуяма, провозгласивший тогда глобальное торжество либеральной демократии и, тем самым, [«конец истории»](#), хотя бы имел некоторые эмпирические подтверждения своей концепции. В пользу Валлерстайна не говорил ни один наблюдаемый факт политической, экономической или культурной жизни человечества. Но если Фукуяма через некоторое время признал, что поторопился с выводами, то Валлерстайн продолжал настаивать на своей правоте и в 1990-е, и в 2000-е, и в 2010-е.

Когда используешь макроисторическую теорию для текущего политического анализа, легко попасть впросак. Но это вовсе не означает, что теория несостоятельна. Термодинамика не может предсказать поведение отдельной молекулы или состояние системы в следующую секунду — это для нее слишком мелкие единицы анализа, она «работает» в крупном масштабе. С макроисторическими теориями все примерно так же: можно приблизительно смоделировать, как сложилась бы история гипотетической Дравидии, но невозможно исключительно средствами таких теорий предсказать исход текущей войны или результат ближайших выборов.

Термодинамика — не случайный пример. Валлерстайн писал, что один из трех мыслителей, оказавших на него наибольшее влияние, — Илья Пригожин, бельгийский физикохимик российского происхождения, лауреат Нобелевской премии по химии 1977 года, автор книги [«Конец определенности»](#).

Пригожин изучал неравновесные термодинамические системы и как они спонтанно переходят от хаоса к порядку. Валлерстайн считал, что стохастические колебания и самоорганизация таких систем — идеальная модель для генерализующей теории общества. С Пригожиным он приятельствовал до его смерти в 2003 году.

Другой мыслитель, чье влияние на себя Валлерстайн подчеркивал, — это Франц Фанон, чернокожий французский интеллектуал и борец с колониализмом, умерший в 1961 году. Для Валлерстайна это был в первую очередь голос изгоев Системы.

А третий — и, наверное, самый важный — французский историк Фернан Бродель. Из его богатого научного наследия принципиальное значение для Валлерстайна имели две идеи: *longue durée* («долгое время») и самодовлеющий исторический «мир».

Longue durée — центральное понятие французской историографической школы, группировавшейся вокруг научного журнала «Анналы», к которой принадлежал Бродель. Школа была сосредоточена не на отдельных исторических событиях вроде войн, реформ и революций, а на процессах, разворачивающихся в «долгом времени», на протяжении столетий и тысячелетий, таких, например, как урбанизация, образование национальных государств или генезис капитализма. Эти длительные процессы, согласно учению «Анналов», задают «пределы возможного» и общую логику, в которой и развивается «событийная история».

Нынче мы говорим «Валлерстайн» — подразумеваем «мир-системный анализ», говорим «мир-системный анализ» — подразумеваем «Валлерстайн». Заслуги перед этой теорией таких ученых, как Андре Франк и Джованни Арриги, по большей части остаются в тени. Свою версию Валлерстайн излагал множество раз, в том числе в небольшой книге [«Мир-системный анализ: введение»](#) и — наиболее обстоятельно — в монументальной «Мир-системе Модерна» (первые четыре тома вышли с 1974 по 2011 год, пятый остался в рукописи).

Единицей макроисторического анализа для Валлерстайна является не страна или народ, а «мир» — самодовлеющая социальная и экономическая система, внутри которой существует географическое разделение труда. Таким «миром» было, например, древнее и средневековое Средиземноморье, которому была посвящена первая крупная работа Броделя (1949). Более или менее любая крупная империя — Персидская, Римская, китайская Хань — представляет собой такой «мир», который, в принципе, самодостаточен, потому что имеет все необходимое внутри себя.

Эти «миры» — это не цивилизации, ограниченные каким-то природным, культурным или еще каким-нибудь ареалом. Это в первую очередь хозяйственные системы, и они имеют тенденцию к расширению. Та же Римская империя переросла Средиземноморье и включила в свой «мир», например, северную Францию и даже Британию.

«Миры-империи», как и все прочее, не вечны: удерживать такие пространства одной лишь силой или угрозой силы можно только до поры до времени. Римская империя распалась. Но средиземноморский «мир», лишенный политического единства, поделенный между Византией, арабскими и католическими государствами, сохранился как «мир-экономика» — хозяйственная система с географическим разделением труда.

Отношения в «мире-экономике» основаны на понятной логике «товар — деньги — товар»: вы что-то производите, чтобы это продать и приобрести то, что вам нужно; ваша конечная цель — потребление. Веке этак в XV внутри европейско-средиземноморской «мир-экономики» зародилась новая система отношений, основанная на логике «деньги — товар — деньги»: вы вкладываете деньги в производство или торговлю для того, чтобы получить больше денег. Ваша цель — не потребление, а приумножение средств, богатства, *капитала*.

Эти новые отношения — капитализм — поначалу занимали небольшую часть бурной хозяйственной жизни «мира-экономики». В логике «деньги — товар — деньги» действовали средневековые банкирские дома вроде Медичи или Фуггеров, дельцы Амстердамской и Лондонской бирж. Но постепенно капитализм рос, вытесняя иные формы отношений. Тут подоспели Великие географические открытия, колониализм, империализм и все прочее — и веку к XIX капитализм поглотил все «миры-империи» и «миры-экономики» на свете, так или иначе подчинил своей логике всю хозяйственную жизнь на планете. Это и была Система.

Валлерстайн отрицал существование «трех миров»: капиталистического, социалистического и «третьего мира». Современный мир един, и он капиталистический. СССР тоже был включен в глобальное разделение труда и, тем самым, в капиталистический «мир-Систему», а его социалистическое устройство было не более чем организационной формой. В конечном итоге, он был подчинен той же логике приумножения капитала. Так что его крах на рубеже 1980-х — 1990-х годов Валлерстайна несколько не смущал.

Событийная история — это не более чем рябь на поверхности, а глубинные макроисторические процессы разворачиваются медленно, в *longue durée*, измеряемом столетиями и тысячелетиями. Падение Восточного блока и распад СССР — это просто очередное стохастическое колебание Системы.

Внутреннее устройство Системы описывается моделью «центр — периферия». Мировой капитализм имеет «ядро», куда стекаются наибольшие богатства, — ныне это, конечно, Запад. Внутри «ядра» происходит непрерывная борьба за гегемонию: некогда, в XVII веке, ведущую роль играли Нидерланды, затем — Великобритания, а сейчас, разумеется, США. Периферия (то, что в теории модернизации стыдливо называется «развивающимися странами») — это объект эксплуатации, источник сырья и рынок сбыта. Огромная часть Системы (в том числе Россия, Китай, Индия, Бразилия) составляет «полупериферию».

Коль скоро все, что имеет начало, должно иметь и свой конец, капиталистический «мир-Система» тоже рано или поздно должен перестать существовать, переродиться во что-то совсем другое — тут вновь уместны аналогии с термодинамикой и энтропией. В этом смысле и надо понимать пророчества Валлерстайна о конце капитализма. Согласитесь, если хотя бы поверхностно знать его макроисторическую теорию, эти пророчества вовсе не кажутся такими уж фриковыми.

Другое дело — насколько эта теория верна. Она как будто вполне адекватно описывает некоторые большие исторические процессы. Но существует косой десяток других описаний, основанных на других постулатах и других представлениях об «исторической механике», на свой лад не менее адекватных. Та же теория модернизации, если принять на веру ее исходные положения, позволяет реконструировать логику истории человечества за последнюю тысячу лет не менее убедительно, чем мир-системный анализ. Но является ли хоть какая-нибудь из этих теорий чем-то бóльшим, чем просто описательной моделью? Постижима ли «логика истории» и есть ли она вообще? Валлерстайн был убежден, что да. Идея обнадеживающая. Жаль, ее нельзя проверить.

Артём Ефимов